

Внезапный стук копыт, эхом отдающийся по каменистой тропе, заставил Элиона вздрогнуть. — Черные всадники! — прошептал кто-то, и страх ледяным когтем впился в его сердце. Он знал, что это существо, что напало на них, — одно из тех, чьи тени преследовали их. Инстинктивно Элион уткнулся лицом в плечо Арагорна, ища утешения в его силе и опыте. Стук копыт стих, и Элион, сжавшись от предчувствия беды, готов был броситься в атаку, но в этот миг напряженные руки Арагорна расслабились, и в его лице засияла радость. На гребне холма, словно выкованный из света, предстал незнакомец. Его голос, звучащий ясным колоколом, прорезал тишину: — Хорошо встретили Дунадана! Язык, на котором он говорил, и облегчение на лице Арагорна убедили Элиона, что это не враг. Но при виде незнакомца, чьи уши были заострены, словно у эльфа, в нем вновь пробудился страх. Он спрятался в плечо Арагорна, ища защиты. — Хорошо встретил Глорфинделя, — ответил Арагорн, — какие вести из Ривенделла? — Носитель Кольца доставлен туда в целости, и лорд Элронд лечит его. Он поправится, а Кольцо останется в безопасности от нашего врага. Я был послан доставить вас в Ривенделл со всей поспешностью, ибо, хотя Назгулы и были разбиты у брода, они все еще находятся за его пределами, и никто не может противостоять всем девяти в одиночку. Элион выдохнул с облегчением, узнав, что Фродо в безопасности. Но тихий шум привлек внимание эльфа, и его взгляд упал на ребенка, которого Арагорн держал на руках. — Гэндальф говорил только о халфлингах, — произнес эльф, в его голосе звучал вопрос. — Я нашел этого малыша одного в пустыне, сильно израненного и напуганного, — тихо ответил Арагорн. Глаза Глорфинделя расширились, в них вспыхнул гнев. Элион инстинктивно отшатнулся — гнев взрослых означал только одно. Но стоило ему пошевелиться, как гнев угас, и эльф что-то прошептал на общем языке. Элион беспомощно смотрел на него, вцепившись в тунику Арагорна. Он понимал язык, но еще многое было ему непонятно. Глорфиндель нахмурился: — Он глухой? — спросил он Арагорна с беспокойством. — Нет, — ответил рейнджер, — Элион говорит только на синдарине. Элион увидел шок в глазах Глорфинделя, но эльф быстро взял себя в руки. — Близится полдень, а до Ривенделла еще полдня пути. Неразумно продолжать путешествие с наступлением темноты. Я приготовил лошадей для вас и халфлингов. Мы должны спешить, но не могли бы мы поговорить во время поездки? — В голосе Глорфинделя таилось любопытство, и Элион заметил, как эльф внимательно его рассматривает. Арагорн кивнул и быстро повернулся к хоббитам, объясняя новый поворот событий. Через несколько минут они уже мчались по дороге к броду, сидя на эльфийских лошадях. Хоббиты, сначала встревоженные, быстро успокоились, увидев, что за двумя большими лошадьми бегут три пони, предназначенные для них. Элион сидел на передней части седла одной из больших лошадей, крепко удерживаемый Арагорном. Верховая езда была странным ощущением, совершенно отличающимся от полетов на гиппогрифе или фестрале. Элион с удивлением обнаружил, насколько велики лошади. Он был благодарен Арагорну, что тот крепко его держал. — Где вы его нашли? — спросил Глорфиндель, — Ведь ребенок находится так далеко от деревни — это, мягко говоря, необычно. Элион был рад, что Арагорн отвечает на вопросы. Он знал, что допрос неизбежен, но хотел затянуть его как можно дольше. Он не знал, что сказать. Он не хотел лгать, но понимал, что правде не поверят. В глубине души он хотел забыть все: войну, сражения, свою прежнюю жизнь. Но он знал, что не сможет вечно избегать их вопросов, и не хотел лгать. Он решил никогда не упоминать Волдеморта, Пожирателей Смерти или Дементоров по имени. Достаточно будет сказать "плохие люди" или "мерзкие существа". О своем детстве он скажет чистую правду. Его родители умерли, когда он был маленьким, его воспитывали тетя и дядя, которые не любили его из-за магии. Их всех убили, всех, кого он знал. Он пострадал, но остался жив. Потом что-то убило их в пустыне, и он остался один. Это была правда, хотя в ней было упущено несколько фактов. Он знал, что они сами догадаются, кем был Волдеморт и что их убило, без того, чтобы он говорил о пересечении миров, взрослении или чем-то подобном. Однако следующий вопрос Глорфинделя вывел его из задумчивости. — Малыш, — мягко спросил эльф, — почему ты оказался в диких землях? Элион закусил губу. Он решил, что скажет, но не хотел. Может быть, потому, что снова стал

ребенком, он почувствовал непреодолимое желание спрятать лицо в плаще Арагорна, чтобы не отвечать на вопрос. Какое право имел Глорфиндель спрашивать его? Эльфу было все равно. Никому не было. Но что-то в эльфе пугало Элиона — ощущение огромной силы, исходящей от этого существа, чувство, что он видел в жизни больше, чем Элион мог мечтать. И это пугало его. Элион сжался, вцепившись в рукав Арагорна. Он не знал, что эльф предпримет, если он откажется отвечать, поэтому, набравшись храбрости, прошептал: — Они привезли меня туда. — Где ты был до того, как они привели тебя туда? — спросил эльф, его голос звучал мягко, но в нем слышалась стальная твердость. — Дома, — пробормотал Элион. Хогвартс был его домом, больше, чем где-либо еще. Но теперь он исчез. Может ли быть домом то место, которое больше не существует? Или, по крайней мере, не существует в том мире, в котором он сейчас находился? — Где твой дом, малыш? — повторил эльф, с легкой, но заметной тревогой в голосе. — Исчез, умер, разрушен, — выдохнул Элион, слова вырывались из него, словно осколки разбитого стекла. — Все мертвы. Все умерли. Его голос не дрогнул. Он знал, что все ушло, что все, кого он знал, погибли, что назад дороги нет. Но сейчас эти слова задели его за живое. Их больше не было. Не было ни Хогвартса, ни Рона, ни Гермионы, ни Невилла, ни Джинни, ни Хедвиг, ни Хагрида, ни МакГонагалл, ни Снейпа, ни Малфоя, ни Ремуса, ни мистера и миссис Уизли, ни Сириуса, ни Фреда и Джорджа, ни призраков, ни Бакбика, ни Флитвика, ни Дамблдора, ни Хогсмиды, ни башни Гриффиндора, ни Большого зала, ни друзей, ни врагов, ни всего остального. Он был один, а их не было. Слезы прорвались сквозь него, и Элион отвернулся, чтобы спрятать лицо в груди Арагорна, ища хоть немного тепла и утешения в объятиях единственного человека, который остался рядом.

<http://tl.rulate.ru/book/103154/3587791>